

Автобус полон народу. Задние сидения захватила пьяная молодежь. Толкаясь и сквернословя, дико хохоча и нещадно ругаясь, молодые люди едут домой. По кругу ходят бутылки с пивом. Пьют в «горло». За стеклами автобуса сгущаются сумерки и мороз, в автобусе — «русский берег американского пляжа».

Старенькая худосочная Вера Ивановна чувствует за своей спиной вертящееся тело и слышит пытающийся вписаться в пьяный гомон девичий смех. Она слышит, что парни обращаются к девушке похабно, и чувство стыда, огорчения переполняют бывшую

нет маску удивления, таинственности, а душа получит удовольствие: «Интеллигентщина!..» И хихикнет себе в бороду, и сконфузится, испугается за бока, отодвинется от «выдвиженки»: парни могут на выходе из автобуса легонько обмокнуть «мордой в сугроб»... Соседа зовут Алексеем Петровичем. У него ясные глаза и открытый взор, который мог быть выражением душевной чистоты и верхом наглого бесстыдства. Алексей Петрович награжден орденом Трудовой славы третьей степени. Один очень умный человек сказал, что великие артисты бывают только в жизни, на сцене ра-

путевку внучке в оздоровительный лагерь, за спиной горластых женщин выиграл тяжбу в суде и т. д.

Шофер включает радиовещание на всю громкость: «Ты цалуй меня везде, я же взрослая уже, ты цалуй меня везде, я же взрослая уже...» Галерка не прочь целовать везде. Теперь пассажиров глушит разнокалиберная артиллерия: могучие, вскормленные чистым воздухом деревенские глотки своих парней перекрывают тщедушные попытки удивить мир восторженным цинизмом жиденькие городские голоса. На лицах «крутых» парней блуждают улыбки, какие бывают на

**Станислав
Мишнев.**

(Тарногский район)

НА СЕЛЬСКОМ ТРАКТЕ

учительницу. В ее годы такой дикости не было. Молодые люди крепкого телосложения и сплошь туняядцы, живут на зарплату родителей и бабкины пенсии. Матери ноют и ноют о черте бедности, о современной нищете, о постоянной нехватке денег, а сыновья резвятся. Их не интересует вопрос: где взять деньги — деньги должны быть — и точка! Телевизор учит не прилежно работать, телевизор учит красиво жить, брить ноги станком, легко расставаться с деньгами и с жизнью. Девчонка учится в СПТУ на повара. Вера Ивановна видела на автобусной остановке ее «гардероб» под Алку Пугачеву: волосы дыбом, без перчаток, на ногах сапоги с голенищами-раструбами, колготки, подобие подпаленной огнем шубки прикрывает одну спину, все женские прелести, как на витрине. «Эх, девка, девка!..» — горько думала и жалела.

Резкая разноголосая песня, под «оркестр» ног, дробит объединенные в негодование силы недовольных пассажиров. Пассажиры знают всех «идиотов», знают всех «скотов», не завозные, свои они. От этого не легче, наоборот, тяжелее. Стань сейчас та же Вера Ивановна призывать молодежь к скромности и уважению, ее, чего доброго, пошлют вдоль по матушке. Какое будет Вере Ивановне? Срам! Минуту назад недовольный сосед с выражением крайнего беспокойства на лице, сразу встрепенется, лицо натя-

Рис. А. Башкирова.

бота-ют талантливые. Алексей Петрович один из таких артистов. Все знают, как он работал, как орден достался, знают, но... «да и черт с ним». Он ездил в райцентр к дочке, возил телячью ногу. От отца дочке достались ясные глаза и открытый взор. Училась мало, мужа выбирала долго, заходила издалека — кто родители да какие сбережения на книжках, но... промахнулась с выбором. Помыкавшись в разных организациях, присосалась к районной администрации и ныне тихой сапой подъезжает к одной очень влиятельной даме. Алексей Петрович верит в счастливую звезду дочки. Верит, что она поменяет квартиру, расстанется с мужем пьяницей (не пара! высоко взлетела, и муж по теперешнему положению только обуза), выхлопочет бесплатную

лица людей, когда они видят перед собой что-нибудь жаленькое.

Вера Ивановна сидит утомленная, красная от напряжения. В шею упирается острый локоть, слышится придушенная фраза: «Пус-сти...не лезь».

Автобус — как спотыкается, под «брюхом» его скрипит железо. Стоящих в проходе пассажиров бросает на сидящих. Шофер давит на тормоз.

Все трезвые пассажиры выходят из автобуса. По тому, как шофер сердито пинает ногой в то место, где недавно крутилось колесо, догадываются: поломка серьезная. До дому двадцать километров.

Вера Ивановна в числе тех, кто решил идти пешком. Алексей Петрович взвалил на спину рюкзак с торчащими головками валенок и смело сказал: «Бывало, не такие волока ходили».

Алексей Петрович ходит, коряча и напряжинивая мускулистые ноги, будто ступает по намастленному стеклу.

Молодые люди не пошли. Они кричали шоферу: «Топи салон! Нам по фене твои проблемы!»

По низам от дороги в полутьме синели гребнистые поля. Ветры избороздили пространства, обратили снег в подобие застывших волн океана. Северная звезда еще только теплилась тусклой серебрястой каплей. Вера Ива-

новна идет с поднятым воротником старого пальто, в руках — авоська. В ней — апельсины. Уж очень хотелось сделать приятное беспомощной сестре, передвигающейся по избе с помощью костылей. Нет худа без добра: весь идущий народ испытывает какой-то подъем от того, что они идут. Слышится смех, договоры: «...а как околею, выходи замуж за другого, пока перина не остыла». Вера Ивановна чувствует в себе острую и вместе с тем радостную грусть: наш народ! Старая гвардия закалена трудом, закалена голодом, советским судом, лесосплавом и колхозными реформами. Ее ноздри чувствуют особенный аромат морозной ночи, схожий с ароматом... (точно!) апельсинов. В молодые годы ей приходилось выполнять общественные нагрузки: то выборы, то агитатор, то пропагандист. Эти нагрузки она ненавидела, проклинала про себя профкомы и парткомы, обязывавшие ее, беспартийную учительницу, делать доклады перед кино, в стильных комнатухах молочных ферм, перед собраниями колхозников. Ночами она трусливо бежала домой, где напрямик, где дорогой, некогда было любоваться луной или прикладываясь ухом к березовому стволу. Лес жил своей жизнью, партком — своей, зевающие на лекциях колхозники — своей. Но что-то оставалось из ночных путешествий: она рассказывала на уроках о гулком мартовском насте, об «играющих» тетеревах, о такой интересной поре, когда тихой поступью приходит однажды ночью зима. А пора звездopaда? Осенью да когда алмазные росчерки как бы перекликаются с гусиным «гагаканьем»?.. Время от времени Вера Ивановна останавливалась, колотила руками по замерзшим коленям.

Шикарная легковая машина белого цвета в ярких огоньках, не сбавляя хода, пронеслась мимо, отъехав метров сто, стала сдавать задом. Алексей Петрович живо сообразил, рюкзак скинул и подскочил к машине. «Возьми, друг, старика. Ноги не несут», — лебезит перед шофером. Шофер шире открыл дверку на своем боку, легонько отодвинул прильнувшего Алексея Петровича и крикнул:

— Крещеные, одного высшей упитанности или двоих тощих возьму!
— Возьми, друг... Не дойти, ноги отнимаются.

Что-то зашевелилось в груди водителя бывшее, потребное, близкое, в полутьме вечера оно не могло потонуть бесследно, — отдельно от всех стояла худенькая старушка и прижимала к себе авоську. Он выскочил из машины, поспешил к этой старушке.

— Вера Ивановна, что же вы...

Вера Ивановна хотела улыбнуться, но деревянное, окоченевшее от мороза лицо не слушалось и улыбка получилась кривая. Ей стало неловко, стыдно: во-первых, она не могла признать в молодом человеке своего бывшего ученика, во-вторых, как он повезет ее, когда другие находятся в таком же бедственном положении... Какую-то гордость, щепетильность Веры Ивановны начисто смел Алексей Петрович:

— Буржуи недорезанные! — заорал он, будто приговоренный несправедливо к расстрелу. Волоча за лямки рюкзак по дороге, дернулся следом за водителем. — Заездили на нашем горбу! Я — орденоносец! А она, — вздрагивающий указательный палец только что не ткнулся в лицо Веры Ивановны. — Нероботь шальнопупая!

— Ты-то орденоносец?... Тебе баба в конторе орден написала! — закричали на Алексея Петровича пассажиры.

— Садитесь, пожалуйста, — водитель подхватил Веру Ивановну под руку.

— Вы его, его... я уйду, — пробовала протестовать Вера Ивановна, однако водитель был неумолим.

Усадил Веру Ивановну в машину.

— Ну, ты — орденоносец, — сказал как-то брезгливо. — Залезай. Алексея Петровича дважды просить не надо.

— Я ведь не со зла, Вера Ивановна, не со зла. В автобусе ад, нога болит, домой как-то надо попасть...

В свете лампочки, горевшей на щитке приборов, на Веру Ивановну смотрели ясные и честные глаза. Вера Ивановна, сидевшая вполоборота к Алексею Петровичу, стала отодвигаться от него по сидению, ужимая худым телом молодую женщину и парнишку, примерно, шестиклассника. Алексей Петрович расценил это как уважение к его персоне, довольный засопел и рюкзак подвинул под ноги Вере Ивановне, и сам немного развалился.

— А вы чей будете, дорогой наш спаситель? — прочувственно заговорил Алексей Петрович. Шапку из собачьей шкуры снял, сует в руки Веры Ивановны. — Хотел спросить, кто родитель, кто воспитал такого уважительного человека?... Сегодня мы с Верой Ивановной насмотрелись в автобусе на обезьян, а вы вот — молодец, что и говорить... Воспитать такого сына...

— Буржуи воспитали.

Н. А. НЕКРАСОВ

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня.
О любовь! — где все твои усилья?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!
Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!
Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром несмолкая...
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!
Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, ненужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.
Прочь, о, прочь, сомненья роковые,
Как прийти смогли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия святая.
Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила,
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданье света и тепла.

1870 г.